

Ещё с десятков однокурсников из Центральной академии драмы тоже поделились своими историями — кто с кинозвездой столкнулся, кто с интернет-знаменитостью, — и все наперебой обсуждали, насколько те отличаются от обычных людей. Это позволило Сюй Чжичжэню отстраниться, открыть Weibo и бесцельно полистать ленту.

Дома У Сюфан всё ещё готовила, собираясь сделать салат из огурцов и сварить суп. Колбаса томилась в кастрюле, и аромат её чувствовался ещё на пороге.

Он бросился обнимать Пузырька, но краем глаза заметил на диване коробку с йогуртом и коробку с молоком. Показалось знакомым, но он не придал значения, подхватил Пузырька и понёс греться на солнышко к двери. Проходя мимо кухни, неожиданно услышал, как У Сюфан делится впечатлениями с Линь Нянь:

— ...А Сяобэй* тот мальчик такой славный, право... И видный какой...

Он замедлил шаг, высунулся взглянуть на колбаски за дверью — двух или трёх не хватало. Потом оглянулся на йогурты на диване. В гостиной, где не горел свет, было темновато, но он отчётливо разглядел на упаковке лицо Се Бэя — тот держал бутылку молока и улыбался ему.

.....

На миг он остолбенел, затем, запоздало сообразив, высунул голову в кухню:

— Сестра... ты... ты ходила к Се Бэю?

У Сюфан аж подпрыгнула от неожиданности, потом с лёгкой гордостью выпрямила спину.

— А то как же! Подумала, утром дела никакого нет, вот и сходила. Пару колбасок захватила, да своих домашних закусок немного. Ли Тай так обрадовалась! А, ещё Се Бэй... Ой, какой видный-то! Без грима такой видный, просто сердце радуется!.. Ещё молоко своё, с рекламы, подарил...

Сюй Чжичжэнь превратился в соляной столб. Линь Нянь, глядя на его остолбеневшую физиономию, прикрывала рот, сдерживая смех. У Сюфан ещё некоторое время говорила сама с собой, прежде чем заметить остекленевший взгляд Сюй Чжичжэня. Решив, что, наверное, слишком уж расхваливала Се Бэя, задев самолюбие собственного внука, — всё-таки и однокурсник, и сосед по комнате, да ещё и знаменитость, популярный, красивый... Внук-то тоже самолюбие имеет, как бы не обиделся. И она робко добавила:

— ...Хотя мой внук, конечно, тоже красавчик. Может, не так, как Се Бэй, но тоже красивый, солнечный такой...

Сюй Чжичжэнь понял её намёк и бессильно махнул рукой.

— Не, я не об этом... Просто... да ладно, сходила и хорошо.

С этими словами он поплёлся, уводя Пузырька погреться на солнышке у двери.

У Сюфан, всё так же довольная, повернулась обратно к Линь Нянь продолжать беседу. Сюй Чжичжэнь уселся у двери, держа на руках Пузырька, подставляя его солнцу.

Если разобраться, он и сам толком не понимал, из-за чего этот внутренний дискомфорт. Казалось бы, всё логично: у Се Бэя некому готовить новогодний ужин, родители не здесь, только бабушка с ним празднует, они к тому же и однокурсники, и соседи — пригласить его

вполне естественно.

Так отчего же его постоянно бросает в краску?..

Сюй Чжичжэнь смирился: потому что между ними что-то изменилось.

Перемена была едва уловимой. У него были догадки, но он не решался думать о них слишком глубоко. Даже если это и влечение, то не настолько сильное. Возможно, просто минутный порыв, минутное опьянение, тем более что они и так много общались, часто пересекались. Просто новизна ощущений. В наше время иметь объект лёгкого флирта — дело нередкое.

Сюй Чжичжэнь провёл рукой по отросшим волосам. Солнце пригревало приятно. Подумал, что после праздников надо бы постричься, сделать модную укладку — будет в самый раз.

Проблема в том, что он не знал, совпадает ли ориентация Се Бэя с его собственной. Се Бэй, скорее всего, тоже не знал, что он гей. Но некоторые его поступки, с точки зрения Сюй Чжичжэня, откровенно двусмысленны, и их трудно объяснить в рамках тех восемнадцати лет жизни и тех случаев с геями, что ему доводилось наблюдать. Да и сам он не был в Се Бэя по уши. Всё началось с того непреодолимого очарования, что исходило от его лица, плюс характер у Се Бэя хороший, очень притягательный, да и все эти жесты, поступки — сложно было не дрогнуть сердцем.

Но Се Бэй — актёр. Звезда. И он, Сюй Чжичжэнь, если ничего не изменится, тоже пойдёт этой дорогой, подставив себя под публичный суд. Нынешние обстоятельства не благоприятствовали раскрытию сексуальной ориентации, и он с самого начала это понимал, всегда сдерживался.

Только вот сердце сдержать труднее всего. И контролю оно поддается хуже всего.

Сюй Чжичжэнь, щурясь на ослепительное солнце, зевнул. В уголках глаз выступили слёзы. Он вытер их рукавом, затем наклонился, чтобы поиграть с Пузырьком. Зелёные глаза Пузырька были невероятно красивы, да и сама она — очень живая. В спокойствии — величава и холодна, в движении — мила и очаровательна. Сюй Чжичжэнь испытывал к ней старшие братские чувства, и чем больше смотрел, тем больше нравилась.

— Эх, не буду думать. Что толку столько размышлять? Пока ничего не ясно, все мысли — пустая трата времени. Да и не так уж сильно я к нему привязан. Будем считать, что просто друзья. Пузырёк, смотри на брата, дай поцеловать...

Зелень деревьев, ласковое солнце, из дома тянет ароматом колбасы, наполняя каждый уголок двора. Линь Нянь сидит во дворе, тонкой кистью выводит линии на холсте. Сюй Чжичжэнь, довольный, прикрывает глаза и утыкается носом в мягкую кошачью шерсть.

В Пекине уже давно запретили хлопушки и фейерверки, так что праздничная атмосфера, конечно, не та, что раньше, но всё равно весело и оживлённо. Небо только-только полностью рассвело, и если взглянуть в сторону центра города, на маленький круг застройки, то видно, как багровый рассвет разрывает небо, и оно словно подёрнуто тёплым сиянием. Рано утром Сюй Цзячэн вместе с Сюй Чжичжэнем наклеивали парные надписи на дверь и бумажные узоры на окна, переставляя глиняную скамеечку, и время от времени перекидывались с проходящими мимо соседями поздравлениями с Новым годом.

Парень улыбался, отчего глаза его становились узкими щёлками. Улыбка была чистой, а сам он — статным. На нём был лишь тонкий красный свитер, силуэт — стройный и лёгкий. Сложив руки в традиционном приветствии, он говорил: «С Новым годом!» — и пожилые соседи, глядя

на него, тоже ощущали праздничный настрой, с удовольствием отвечая тем же.

Закончив с надписями, Сюй Чжичжэнь достал из кармана телефон и, стоя у двери — перед ним резал лицо холодный ветер, а за спиной почти вырывалось наружу тепло из дома, — поднёс его ко рту и отправил голосовое сообщение:

— Поднялся уже? Иди завтракать.

Вскоре из дома потянуло соблазнительным запахом горячих пельменей. Сюй Чжичжэнь, шлёпая тапочками, поливал у двери цветы, с набитым ртом что-то невнятно бормоча — он доедал яйцо, которое ему очистила Линь Нянь. Подняв голову, он увидел Се Бэя, нагруженного большими и малыми пакетами, и Ли Шэнцзин, одетую с царственным шиком. Он тут же вскочил, чтобы окликнуть их, но рот был полон, пришлось прикрывать его рукой, жестом приглашая пройти в дом.

Ли Шэнцзин сегодня особо нарядилась: на ней было бордовое ципао, а сверху — дорогая соболиная шуба, мех невероятно красивый, глубокого чёрного цвета. Макияж лёгкий, волосы завиты в модную завивку, цвет — прекрасный, чистый чёрный. На руке она держала белую кошку, и вся её осанка, с головы до ног, излучала неподдельное, неповторимое благородство.

Она слегка взмахнула рукой и улыбнулась Сюй Чжичжэню:

— С Новым годом.

Сюй Чжичжэнь взял у неё большой пакет и пошёл следом в дом. Наконец проглотив, он с трудом выдавил:

— Ли Тай, с Новым годом. Вы сегодня необыкновенно красивы.

Какая женщина не обрадуется таким словам? Ли Шэнцзин — не исключение. Она поддразнила его:

— Сладкий какой. Мёду поел? — Как раз в этот момент из кухни вышла У Сюфан с пельменями, и Ли Шэнцзин с лёгким восклицанием пошла ей навстречу.

Се Бэй, зайдя следом, заколебался в дверях, не зная, нужно ли снимать обувь. Сюй Чжичжэнь, оглянувшись, махнул рукой:

— Не надо, проходи так.

В доме было тепло — топили. Ли Шэнцзин спустила Жади на пол, Янтарь тоже выпрыгнул из рук Се Бэя. Сюй Чжичжэнь повёл их поиграть с Пузырьком, устроив всех троих кошек у игрового комплекса. Когда он обернулся, Се Бэй уже сложил принесённые новогодние гостинцы в сторонке.

Сюй Чжичжэнь мельком глянул — в основном какие-то тонизирующие продукты, да ещё привычные для новогодних визитов молоко и наборы с закусками. Не удержался, спросил:

— И зачем подарки принёс?

Се Бэй сегодня был одет очень просто: белое пальто, чёрный худи, снизу джинсы и «мартинсы». Смотрелся собранно и handsome. Услышав вопрос, он поднял глаза, и в голосе его уже звучала улыбка:

— Всё-таки Новый год, как же в гости без подарков?

Сюй Чжичжэнь тоже рассмеялся.

— Ну да, верно. Пошли, пельмени уже готовы, давай есть.

На севере, к какому бы празднику ни готовились, пельмени всегда идеально вписываются в картину. А уж новогодние пельмени и подавно должны быть богатыми. У Сюфан любила экспериментировать с новым, и после множества проб и ошибок в общих чертах поняла, какие начинки получаются вкусными. На этот раз разновидностей было не слишком много: больше всего — со свининой и капустой и с свининой и пастушьей сумкой*, затем — с бараниной и зелёным луком, с говядиной и помидорами, со свининой и редькой и со свининой, грибами и кукурузой.

На стёклах окон намерзали ледяные узоры, ярко-красные вырезки с улыбками смотрели на улицу, солнце сияло ослепительно — настоящая весенняя картина.

В гостиной стоял соблазнительный аромат. Все уселись вокруг стола, каждый накладывал себе пельмени с той начинкой, что хотел, и добавлял приправ по вкусу. Хорошо ещё, стол был большой, и семеро поместились без тесноты.

*Сяобэй — уменьшительно-ласкательное от имени Се Бэй.

*Пастушья сумка — съедобное травянистое растение, часто используемое в китайской кухне, особенно для начинки пельменей.

<http://bllate.org/book/16272/1464675>